

Пивоваров Виктор

04.03.04

Окно в детскую

Ретроспектива Виктора Пивоварова в Третьяковке

выставка концептуализм

В Государственной Третьяковской галерее открылась выставка Виктора Пивоварова «Шаги механика» — подробнейшая монографическая экспозиция классика московского концептуализма, с 1982 года живущего в Праге. В качестве бонуса к ней — выставка «В темных комнатах» в галерее XL, неожиданный опыт художника в жанре эротической живописи. Рассказывает ИРИНА КУЛИК.

«Шаги механика» в Третьяковской галерее не столько ретроспектива, сколько лирическая автобиография в жанре «моя жизнь в искусстве». Старые и новые произведения художника разделены на несколько залов-глав. Все начинается с подобающей обстоятельностью — «Действующие лица», «Место действия», «Время действия». В советское время Виктор Пивоваров, как и другие художники-концептуалисты, зарабатывал иллюстрированием детских книг, причем никогда не относился к этой работе как к досадной поденщине, не имеющей никакого отношения

Для Виктора Пивоварова история искусств оказалась наполнена эротикой: на его картинах концептуализм совмещается с сюрреализмом

ФОТО ШАРЛЯ СТОЯНОВА

к его подлинному стилю. Вот и «Шаги механика» поначалу выглядят как история московского концептуализма в изложении для детей — занимательно-наглядная, сентиментальная и слегка дидактическая. «Действующие лица» — друзья, единомышленники, мэтры — предстают в виде почти сказочных персона-

жей: Игорь Холин с зайцем, Казимир Малевич с лисой. А Генрих Сапгир хоть и превратился в сюрреалистическую фигуру с пейзажем вместо лица, все равно представлен в уютной компании жены и кошки.

«Место действия» оказывается коммунальной «Квартирой 22», в которой художник

провел свое детство. Эта коммуналка, конечно, похожа на коммуналку пивоваровского друга Ильи Кабакова. Что неудивительно: два художника разрабатывали этот основополагающий для московского концептуализма сюжет вместе, только Илья Кабаков превратил советскую коммуналку в экзотический аттракцион для западной публики, а для Виктора Пивоварова она осталась частью частного мира. Марья Ивановна, у которой кипит чайник, в «Квартире 22» оказывается не докучливым призраком, а добрейшей бабушкой из детских воспоминаний. И даже когда автобиография переходит в историю искусств, картины Виктора Пивоварова остаются такими же безмятежно-детскими. «Эйдосы», например, при всей многослойности искусствоведческих ассоциаций, прежде всего похожи на детские игрушки, собранные из раскрашенных деревянных колец и шариков.

И в «детских» иллюстрациях, и во «взрослых» картинах и альбомах Виктора Пивоварова пос-

тоянно встречаются окна. Художник никогда не забывает нарисовать в этих окнах лампы, стаканы на столе и прочие детали чужого быта, которые дышат таким умиротворением, когда видишь их с улицы. Или пейзажи с облаками и деревьями, такие заманчивые, какими бываю лишь ландшафты, проносящиеся за окнами поезда. Речь даже не всегда идет об окнах. Иногда попадает что-то вроде переносных дыр из старых американских мультиков. Вытаскиваешь такую дыру из кармана, прилепляешь к стене и немедленно ускользаешь от любой опасности в свой личный параллельный мир, где тебе ничто не угрожает.

Последняя часть «Шагов механика» «Разговор о лимонной корочке» и кажется изображением этого бесконечно уютного законного мира. «Разговор» — цикл натюрмортов. Граненые стаканы, алюминиевые кастрюли, черные буханки, луковицы, вобла, пачка «Беломора» только на первый взгляд кажутся поссоветски бедными и непритязательными. На самом деле они нарисованы с гурманством классической голландской живописи.

Но возможно, за манящими окнами открывается вовсе не столь невинный детский мир, а те «Темные комнаты», что представлены в галерее XL. Сюрреалистическое подсознание московского концептуализма наконец всплывает на поверхность, а в детских воспоминаниях обнаруживается пресловутая «примитивная сцена», даже если речь идет не о родительской спальне, а всего лишь о совокуплении различных художественных стилей. Манекены-эйдосы и огромные птицы предаются разнообразнейшему сексу. А чопорные магриттовские человечки, оказавшись рядом с обнаженными женщинами, стремительно избавляются от своих котелков и строгих костюмов.

Впрочем, Виктор Пивоваров еще в 2000 году нарисовал цикл «Кабинет доктора Фрейда». Он, похоже, уже давно прошел свой психоанализ и может возвращаться в детство без всяких опасений.

«Папа — Малевич, мама — де Кирико»

ВИКТОР ПИВОВАРОВ ответил на вопросы ИРИНЫ КУЛИК.

— Кто такие эйдосы, которым посвящен один из залов?

— Я в шутку говорю, что это клонированные образы, у которых папа — Малевич, а мама — де Кирико. А вообще, это очень старая линия в мировом искусстве, идущая от Леонардо и Пьеро де ла Франческа, — поиск трансцендентной модели человека.

— Ваша выставка наполнена отсылками к истории искусств. Персонажи московского неофициального ис-

кусства 1960–1970-х годов для вас — также всеобщая история искусств?

— Возвращение к истории нашего круга — это только одна часть экспозиции, «Действующие лица». Я не могу рассматривать московский концептуализм как часть этой всеобщей истории: слишком маленькое расстояние. Да и сам я здесь скорее персонаж, чем наблюдатель.

— В ваших картинах часто возникает лисица. Что для вас обозначает этот зверь?

— Когда мне было года четыре, мы были с мамой в эвакуации в Татарии. И маме

поручили продавать хлеб: она была очень честным человеком, и можно было не опасаться, что хлеб окажется разворованным. Мы возили хлеб из соседней деревни на санях. И я помню, как за нами бежала лиса, ее привлекал запах хлеба. Я подозреваю, что она прибежала в мои картины оттуда. Она напоминает о детстве, об анимальности, о том, что в каждом из нас есть этот хитрый зверь. В лисе есть и нечто inferнальное. У меня была картина, где лиса целует в губы Сталина, и там это была настоящая демоница.

— Выставка «В темных комнатах» в галерее XL воспринимается как про-

должение выставки в Третьяковке. Почему вы выделили ее в отдельную экспозицию?

— В Третьяковской галерее ее бы просто не разрешили повесить, это же такая целомудренная организация.

— В ваших картинах очень много окон, щелей и прочих отверстий, сквозь которые можно заглянуть в другое пространство. «В темных комнатах» — удовлетворение этого тайного вуайеризма?

— Это скорее заглядывание в себя.

— У вас есть картина «Тело московского неофициального искусства

60–70-х годов», где разным органам соответствуют различные художники. Илья Кабаков, Дмитрий Пригов и «Коллективные действия» — мозг, Эрик Булатов и Оскар Рабин — плечи, Юло Соостер и Анатолий Зверев — кишечник. Себе вы отвели место где-то под сердцем. Но у этого тела нет половых органов. Неужели московское искусство было таким ангелическим?

— Вообще-то там были персонажи, которые могли бы оказаться и ниже пояса. Но я побоялся кого-нибудь обидеть.